

ПОЛИНА РАЕВСКАЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ПАРАНОЙЯ?

Почему он?

СКАНДАЛЬНЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Полина Александровна Раевская

Паранойя. Почему он?

Серия «Паранойя», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66629782

SelfPub; 2022

Аннотация

Что важнее: семья, дружба или любовь? Идиотский вопрос, знаю. Но жизнь не стесняется и стебется по полной, ставя перед подобным выбором. Я часто спрашивала – почему он? Почему я? Почему все мы? Но ответов не находила, только предлоги, чтобы прийти к подруге и хоть краем глаза увидеть его, почувствовать на себе его взгляд, услышать вкрадчивый голос и смаковать каждую секунду, а потом ненавидеть себя за эту пошлую, грязную влюбленность в главного человека в жизни моей подруги – в ее отца. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	28
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Полина Раевская Паранойя. Почему он?

Пролог

«Только попробуй полюбить человека – и он тебя убивает. Только почувствуй, что без кого-то жить не можешь, – и он тебя убивает.»

К. Макколоу «Поющие в терновнике»

Начало 2000-х годов

– Не... не подходи, – дрожа, хриплю сорванным голосом, пятась к стене, заламывая содранные в кровь пальцы. Меня до сих пор колотит, как припадочную от ужаса.

– Маленькая, – шепчет он на выдохе, замерев в шаге от меня. Лицо белое, как полотно, напряженное, а в глазах, в тех самых, в которых еще пару часов назад отражался лютый холод и безразличие, теперь столько вины, что меня начинает скручивать от едкой, как щелочь, сжигающей напрочь, ненависти.

Задыхаюсь, не могу его видеть, находиться с ним рядом не могу. Наизнанку выворачивает. Насквозь прошибает яростной болью. Он же скользит по мне взглядом и бледнеет еще сильнее. Смотрит на мои окровавленные руки все в занозах и земле, и не выдерживает, отводит взгляд.

Усмехаюсь, не скрывая отвращения и горечи.

Правильно, не смотри. Не думай, как я билась в истерике, как скребла доски, сдирая кожу; как рвала связки, звав тебя на помощь, не веря, что ты способен на такое зверство. Не смотри, любимый, пусть тебя совесть не мучает. Хотя, о чем это я: где ты, а где совесть?!

Долгов, подтверждая мои мысли, преодолевает разделяющее нас расстояние. Отшатнувшись, ударяюсь головой об стену. Зажмурившись от боли, втягиваю с шумом воздух, и меня окутывает любимый запах: смесь мяты, сигаретного дыма и чего-то такого густого, терпкого, приглушенного дорогим парфюмом. Меня ведет, каждый нерв вибрирует, как и всегда, от аромата его тела, благодаря которому я узнала, как пахнет моё собственное. Впрочем, всё во мне, как в женщине, открыто этим мужчиной. И сейчас от этой мысли невыносимо больно и горько. За что он мне? За какие грехи меня им наказали? Что я успела такого сделать, чтобы тащить столько времени на себе груз этих отношений, и в конечном счете быть отданной, словно кусок мяса на растерзание шакалам? За что, Господи?! За что?

Слёзы обжигают глаза, а в следующее мгновение мир замирает: звуки исчезают, запахи, чувства – всё перестаёт существовать, кроме Долгова, опускающегося передо мной на колени.

– Прости меня! Я не мог иначе, Настюш. Это был единственный выход, – шепчет он, уткнувшись в мои изранен-

ные ладони, осторожно касаясь их горячими губами, разъедая солью мои раны.

Конечно, ты не мог иначе. Иначе ты даже и думать не стал бы. Ты своё никому не отдашь, лучше в расход пустишь, кого не слишком жалко, но никто тебя на колени не поставит. И сейчас ты не на коленях передо мной, а просто гнёшь свою линию.

Вот только во мне больше гнуть нечего. Сломана. И внутри всё медленно, мучительно угасает, оставляя лишь холод и мёртвую пустоту, которую не заполнить ничем, ни воскресить. Долгов разрушил всё до основания, растоптал, уничтожил. И ничего больше не осталось: ни слёз, ни страха, ни любви. Всё там – в той могиле. И я – та я, что любила этого мужчину больше жизни; что всей своей душой безгранично ему верила; что готова была простить ему всё, я тоже там: заживо похоронена любимыми руками. И этого не забыть никогда, не исправить. Это конец.

Но Долгов не понимает, продолжая что-то лихорадочно высматривать в моём лице.

Нет там ничего, Серёженька. Стер ты всё набело. А казалось, сделать мне больнее уже просто невозможно, но ты смог. Опустил на самое дно, умылся моими слезами, а теперь думаешь, что прощу и пойму?

Не пойму никогда! Потому что я бы за тебя отдала всё на свете. Я бы лучше сдохла рядом с тобой, чем позволила тебе пройти через что-то подобное.

Глава 1

«Что ж, наверное, все матери немножко слепы и не понимают своих дочерей, пока не состарятся и не перестанут завидовать их молодости.»

К. Маккалоу «Поющие в терновнике»

Конец 90-х годов

– Я в шоке! У неё уже реально старческий маразм. Поставить тебе неуд – это немыслимо! Да ты английский знаешь лучше неё, – возмущалась мама, поправляя макияж, хотя на мой взгляд, он был безупречен. Но у Жанны Борисовны критерии безупречности разительно отличились от моих, поэтому (не считая еще тысячи других причин) мы редко находили общий язык.

– Ну, она, как видишь, придерживается другого мнения, – отозвалась я совершенно индифферентно, так как эта тема за два часа набила оскомину. Я вообще-то пришла обсудить возможность моей поездки на тату-конвенцию в Париж, а не мыть кости англичанке, которая и без того достала в колледже. Но маму больше волновали мои баллы, нежели мечты.

– Да кому интересно её мнение?! Все знают, что уровень твоего английского выше среднего! – вполне предсказуемо взорвалась она, я же приготовилась к очередному разгромному спичу в адрес некомпетентности наших преподавателей, устаревшей системы образования и конечно же, зако-

стенелости папы Гриши, не позволяющего отправить меня учиться за границу. Всё это я уже слышала пятьсот тысяч раз, поэтому не особо вслушивалась.

Откинувшись на прикроватный пуфик, вытянула ноги к потолку и стала рассматривать новенький педикюр. Мне не нравился красный цвет, но мама настояла.

«Красный лак – это классика, он подойдет ко всему.» – говорила она.

Спорить же из-за такой мелочи сейчас было ни к чему. Я безумно хотела поехать на фестиваль, поэтому старалась мамушний раз не бесить. С меня не убудет походить неделю с красным лаком. А вот для мамы все эти мелочи крайне важны. Раньше меня ее придурство в духе «аля светская львица» выводило из себя, сейчас отношусь к нему гораздо спокойней и на многое закрываю глаза.

«Жизнь состоит из мелочей!» – любит повторять мама.

И, пожалуй, теперь, когда моя поездка вполне может сорваться из-за неправильного выбора лака и тому подобных тонкостей, я склонна согласиться с ней.

Речь мамы, меж тем, достигла кульминации, и когда прозвучало сакраментальное: «Я это так не оставлю!», я обратилась в «слух» и решила вмешаться. Мамина скандальность и без того уже стал притчей во языцах. Не хватало еще и мне оказаться участницей этого Марлезона.

– Мам, давай, ты не будешь вмешиваться в мои дела. Это всего лишь оценка за контрольную, – вполне миролюбиво

попросила я, поднимаясь с пуфика.

– Настя, сегодня это всего лишь оценка за контрольную, а завтра – это вся жизнь! – обернувшись, жестко припечатала мама. Что-что, а лозунги в стиле Дейла Карнеги(1) были её коньком, и следующая фраза это только доказывала. – За своё, чего бы это не касалось, нужно бороться, зубами вырывать, по головам идти и шеи сворачивать – так и только так достигаются цели в нашем мире и исполняются мечты! А если будешь на всё закрывать глаза и отмахиваться, то и Вселенная их закроет, и отмахнётся от тебя и твоих желаний.

Пожалуй, я бы посмеялась над столь вопиющим пафосом. Но когда сей пафос исходит от женщины, прошедшей путь от девочки из неблагополучной семьи до жены генерал – майора авиации через переезд из глубинки в столицу, раннюю беременность, неудачный брак, безденежье и кучу проблем, то согласитесь, вряд ли это уместно, а учитывая мой жизненный опыт, равный нулю, и вовсе глупо. Глупостями же я не занимаюсь от слова «совсем». Да и как иначе, когда твой отчим – старый вояка советской закалки?! Дисциплина, порядок и благоразумие – наше всё. Поэтому спорить с мамой на тему выживания я не собираюсь. В том, что касается достижения целей она профессионал, иначе мы бы по-прежнему жили в комнатухе на подселении в Печатниках, а не в шикарном доме на Рублево – Успенском шоссе. И всё же, несмотря на непоколебимый авторитет мамы в данном вопросе, мне хочется верить, что общество не настолько при-

митивно и жестоко, как она расписывает. Но с ней я, естественно, не стала делиться своими наивными мыслишками, а решила просто подразнить.

– Отлично! Тогда разреши поехать на фестиваль, иначе я сбегу из дома и поеду автостопом, – подмигнув, поставила я в шутку ультиматум. А чего ходить вокруг да около? Раз мама говорит, что своё надо зубами вырывать, значит – буду зубы показывать. Я девочка послушная: советами мамы не пренебрегаю.

– Ой, ну уела, – закатила она глаза и снисходительно улыбнулась. – С папой Гришей поделись своими планами, пусть посмеется.

– А мы еще посмотрим, кто будет смеяться последним, – продолжала я гнуть свою линию.

Мама же замерла с карандашом в руках и скосила на меня свои кошачьи, зеленые глаза. Если бы её сфотографировать в это мгновение, то фото можно было смело помещать на обложку журнала, мама была великолепна. Я в который раз поразилась, насколько она красивая женщина: высокие, ярко-выраженные скулы, пухлые губы, изящный носик и копна густых, слегка выующихся волос когда-то темно-русого цвета, ныне же эффектного платинного. Не мудрено, что папа Гриша потерял голову и ушёл из семьи: мама неотразима. К сожалению, мне из этого с ног валящего арсенала досталось немного: только цвет глаз, чувственные губы и мои шикарные, золотистые волосы, всё остальное – папино: симпатич-

ное, милое, но не более. Такая вот несправедливость.

Пока я сетовала на природу, создавшую не самую удачную генетическую комбинацию, мама делала тоже самое только в адрес моего «зэковского» хобби, собирая в кучу всевозможные стереотипы и небылицы.

– Боже, вы как с аула какого-то, честное слово! – не выдержав, воскликнула я. – Уже давно во всём мире тату является одним из видов авангардного искусства, вышедшего за пределы преступной среды.

– Да мне плевать, чем там оно является во всём мире! У нас в России твоё «авангардное искусство» – это золотые купола, уголовники, наркоманы и конченные фрики, и я не хочу, чтобы моя дочь хоть как-то была с этим связана! Почему нельзя просто заниматься живописью на холсте, как все нормальные люди?!

– Потому что я ненормальная! Устроит тебя такой ответ? – огрызнулась я и направилась к двери. Слушать этот бред из раза в раз мне надоело.

– Меня устроит, если ты выкинешь из головы всякую дурь и займешься исправлением английского! – повысила мама голос.

– Ага, уже лечу, – съязвила я, открывая дверь.

– И полетишь! Запомни, не дай бог я увижу у тебя на теле какие-то художества, я...

– Ты срежешь их ржавым ножом, я помню, – закатила я глаза, не скрывая скептицизма.

– Срежу, не сомневайся!

– А я проверю, тоже можешь не сомневаться, – запальчиво бросила в ответ, но не столько даже от злости, сколько от бессилья, понимая, что фестиваля мне не видать, как своих ушей. Конечно, я могла бы взбунтоваться: купить билет на самолет и даже пройти регистрацию, но скорее всего, на этом мое приключение и закончилось бы. Моему отчиму тут же доложили бы о моем демарше, и меня без лишнего шума сняли бы с рейса. Добираться же автостопом с какими-то мутными типами я бы никогда не решилась. Для этого нужно быть безбашенной и, наверное, чуточку безмозглой. К счастью или к сожалению, я такой не была. И прежде, чем что-то сделать, четко представляла последствия. Однозначно, тату – конвенция не стоит того, чтобы быть изнасилованной, загреметь в тюрьму или еще что похуже.

– Поговори мне ещё! – меж тем, спокойно отрапортовала мама и продолжила рисовать свои фирменные стрелки, уверенная, что беспокоиться ей не о чем.

В общем-то, так оно и было, только вот татуировка у меня все же имелась, но не в качестве протеста или мечты. Я вообще, как ни странно, не горела желанием «забиваться», мне просто нравилось рисовать на коже, оставлять на ней сокровенный отпечаток: память о чем-то дорогом, любимом, а порой, и ненавистном. Каждый сеанс подобен таинству, во время которого человек приоткрывает мастеру свой внутренний мир и позволяет отразить кусочек этого мира на своем теле.

Кто бы что ни говорил, а я убеждена, что любая татуировка несет в себе печать нашей души. Даже если эта татуировка сделана по пьяни или, например, в интимной зоне, как у меня.

Да, тату на лобке – такая вот пошлятина, но как мастеру мне было важно понять, что чувствует клиент: насколько это больно, страшно и неприятно. Единственное же место, которое никто бы не увидел, было у меня в трусиках, и дело даже не столько в родителях и их строгом запрете, просто я еще не придумала «ту самую» татуировку, которую хотела бы выставить на всеобщее обозрение. Да и не случилось пока в моей жизни ничего грандиозного, чтобы вдохновиться и наполнить рисунок особым смыслом.

За свои восемнадцать лет я ни разу не влюблялась, ни по кому не страдала и не убивалась, как многие мои знакомые девчонки, которым я набила в честь «несчастной любви» памятные рисунки. У меня не было особых взлетов, впрочем, как и падений. Я жила ровно и почти спокойно (в те дни, когда не приезжал мой персональный кошмар): училась, занималась рисованием, тайно подрабатывала в одном салончике тату-мастером, чтобы набить руку и набраться опыта. По выходным гоняла на велике, играла на ударной установке в гёрлз -бэнде таких же самоучек, как и я, и мечтала однажды подхватить волну, и выйти в передовики среди татуировщиков, когда в нашей стране, наконец, поймут, что тату – это не уголовщина и наркота, а искусство. Пока, конечно,

в это слабо верилось, но я твердо убеждена, что это только пока. Мода – явление сокрушительной силы, она способна перевернуть сознание людей в два счета. И поскольку западные селебрити активно популяризируют это направление, то ждать, когда бум тату дойдет до нас осталось недолго. Именно поэтому я так хотела попасть на фестиваль.

Мне просто жизненно необходимы новые впечатления, информация и знания. Я мечтала поучаствовать в различных конкурсах, в мастер-классах от лучших татуировщиков мира да и просто посмотреть, как они работают, как создают свои шедевры. Упустить такую возможность – застопориться на одном месте и позволить моим конкурентам обойти меня уже на старте.

Нет, я должна что-то придумать. Мама права: за своё надо бороться, иначе мечты так и останутся мечтами. И я буду бороться. Буду! Тем более, что ничего такого криминального и страшного в моей мечте нет. Вот только как убедить в этом родителей?

Врать? Не умею я. Недоговаривать – да, но выдумывать небылицы – это не моя тема. Вернее, выдумать-то я могу да еще какие, но вот заставить в них поверить хотя бы саму себя у меня ни за что не получится. Секрет же успешного вранья, как говорит моя Лиза – мамина сестра, заключается как раз в том, чтобы безоговорочно верить в собственные выдумки, когда толкаешь их в массы. Я не верила, как ни старалась. Во мне вообще актерских талантов не было ни на грош, поэтому

лгунья из меня получалась аховая. Однозначно, нужно было придумать что-то другое...

– Настя, ты вообще меня слышишь?! – отвлёк меня от моих умозаключений возмущенный мамин голос.

– А? Что ты говорила? Я задумалась.

– Я вижу. Летаешь вечно в облаках, как твой папаня. Тот тоже всё где-то не в реальной жизни находился, – завела мама свою любимую шарманку. День прожит зря, если она не послала моему отцу хотя бы один словесный кирпич в голову. Естественно, все они летели через меня.

Когда я была помладше, мне казалось, что мама меня ненавидит, я чувствовала себя ненужной, более того, обузой. С возрастом это ощущение никуда не делось, но я стала лучше понимать маму.

Ей ничего не далось на голубом блюдечке. Всё, что она имеет, вырвано у этой жизни теми самыми зубами, про которые она так любит говорить. Расти они у неё начали аж с пятнадцати лет, так как моя бабушка (которую я никогда не видела) из любительницы выпить превратилась в алкоголичку, и маме пришлось подрабатывать, чтобы прокормить себя и младших сестер. Где она работала для меня до сих пор загадка, мама не любит распространяться о своей юности, а Лиза просто отмахивается, что наводит на определенные мысли, которые хочется гнать от себя подальше. В восемнадцать мама переехала в столицу и поступила в медицинский колледж. А потом, на одной из студенческих вече-

ринок встретила моего папу и пропала. Он учился на художника – мультипликатора, был творческой натурой в вечном поиске вдохновения, смысла бытия и работы. Мама влюбилась без памяти, как и он, будучи ценителем всего прекрасного. Она была его музой, он – её счастьем. Но через девять месяцев родилась я, и на смену романтике пришла реальная жизнь: «Счастье» оказалось совершенно не приспособлено к труду, а «Муза» напрочь лишена какой-либо глубины, будучи «приземленным, алчным созданием, пекущемся лишь о хлебе насущном». Но, тем не менее, их брак продлился семь лет. Мама, взвалив на свои плечи всю материальную ответственность, пахала в три смены, папа пребывал в творческом поиске, доучивался и занимался мной.

Для меня это было чудесное время. Папа всегда был рядом, играл со мной, учил меня всему. Именно он привил мне любовь к рисованию и музыке, научил читать, писать и считать. Он был моим лучшим другом, которого мама однажды просто взяла и выкинула из нашей жизни, собрав вещи и переехав из бабушкиной квартиры в комнату на подселении. Разрыв родителей я переживала очень тяжело. Вина во всем маму, более того, ненавидела ее, о чем ни раз говорила и за что серьезно огребала. Мама не гнушалась меня бить, и за это я ненавидела её еще больше. Но стоит признать, пощечины, разбитые, порой, в кровь губы и ремень поубавили во мне спеси: больше я не позволяла себе высказывать маме какое-либо недовольство в грубой форме, научилась в семь

лет быть самостоятельным ребенком и всю работу по дому взяла на себя. Как ни странно, но злобы и обиды на мать я не затаила, хотя понять и смириться с тем, что она бросила папу смогла только сейчас.

В восемнадцать лет начинаешь задумываться об отношениях между мужчиной и женщиной, мечтать о любви и представлять того самого – единственного и неповторимого. Оригинальной в этом вопросе я не была: как и все хотела видеть рядом с собой сильного мужчину, на которого всегда можно положиться, опереться, усесться и свесить ноги, а не мальчика, которого придется кормить и воспитывать на ряду с собственным ребенком. Поэтому маме можно было только посочувствовать. Папа, он хоть и хороший человек, но на идеал мужчины вообще ни разу не тянул. К счастью, судьба, точнее – мамины острые «зубы» подарили ей папу Гришу, который в общем-то тоже идеалом не был, но имел такое «плечо», на которое опираться можно было хоть всей толпой. Большого моей маме и не требовалось. У неё вообще, как и у Оскара Уайльда, был абсолютно непритязательный вкус: ей вполне хватало самого лучшего.

Закрепив свое положение на «плече» папы Гриши рождением моей сестры Каролинки, она, наконец, успокоилась и кажется, даже почувствовала себя счастливой.

Хотя в такие моменты, как сейчас я в этом сильно сомневалась. Не знаю, что маму так задевало, но когда дело касалось папы Андрея, она вскипала моментально. А уж с тех

пор, как он женился, и наконец, начал хорошо зарабатывать, устроившись на детском канале, вообще рвала и метала, заявляя, что папина Лида получает её дивиденды.

Если бы не знала маму, решила, что она ревнует. Но причина гораздо прозаичней: просто моя мамочка самая настоящая стерва, и меня часто подмывает сказать ей об этом. Вот только мои губы до сих пор помнят, каково это быть разбитыми, поэтому приходится помалкивать в тряпочку, что я и делаю, пока мама в очередной раз проезжается катком по папе.

– Настя, ты опять меня не слушаешь, – раздраженно заметила она.

– Слушаю, – машинально заверила я её и взглянула на себя в зеркало, которое тут же обличило меня даже в такой мизерной лжи: уголки губ предательски подрагивали в попытке сдержать невольную улыбку. И вот вечно так – как дура лыблюсь чуть что.

Мама тоже в курсе моей этой неконтролируемой мимики, поэтому недовольно вздыхает, качая головой.

– Ладно, я пошла, – посчитала я за лучшее, наконец-таки, ретироваться. Необходимо было продумать, как штурмануть папу Гришу, ибо всё всегда зависело именно от него. Если папа Гриша против, то уже неважно, кто разрешил.

– Переоденься к ужину, возможно приедет Елисеев, – предупредила мама, я кивнула и бросила взгляд на свои золотые часики Longines – подарок, кстати, вышеупомянутого Ели-

сеева на совершеннолетие.

До ужина оставалось всего лишь полчаса, поэтому о том, чтобы прокатиться на велике и обдумать план, как подступиться к папе Грише, не могло быть и речи. Опоздание на ужин в нашей семье приравнивалось к семи смертным грехам.

«Дисциплина – основа всего!» – повторял папа Гриша и карал по всей генеральской строгости за её нарушение.

Под раздачу мне попадать совершенно не хотелось, поэтому время до ужина я решила убить в библиотеке, выбрать чтиво на ночь – что-нибудь жуткое. Кто-то наверху расценил мой запрос по-своему, и на глаза мне попалась скандальная «Эммануэль». Особого желания погрузиться в мир чьих-то эротических фантазий у меня не было, но все же любопытство пересилило. Что ни говори, а скандальные вещи обладают каким-то запредельным очарованием, поэтому я взяла книгу и, усевшись на подоконник, решила пролистать пару страниц. От первой же сцены в самолете пришла в легкое недоумение, но после второй мне стало всё предельно ясно, и открыв концовку, я убедилась в правильности своих умозаключений: долгий (аж в двести страниц) путь новоявленной нимфоманки от одного члена к трем через разномастных мужиков и баб, смену локаций и поз. Зашибись интрига и скандал!

Поморщившись, я уже хотела встать и вернуть эту чушь на место, как за дверью послышались мужские голоса. От-

шатнувшись, взглянула на книгу в своих руках, а после на шкаф, до которого добежать я не успевала, и у меня внутри все оборвалось от стыда и ужаса. Быть застуканной папой Гришей за чтением порнухи – что может быть хуже? И ведь не спрячешь её нигде! Поэтому, когда ручка двери повернулась, я совершенно машинально задернула портьеру, прижалась к холодному стеклу и, сжав проклятушую книженцию, застыла, не дыша.

– Проходи, Владислав Петрович. Жанна в кабинете очередной ремонт затеяла, так что пока моя вотчина здесь, – раздался громopodobный голос папы Гриши, от которого у меня поджилки затряслись.

Господи, если отчим меня здесь обнаружит, то мне не то, что тату-конвенция не светит, я вообще света белого больше не увижу! Но выползать из своего укрытия с моим «талантом» врать – фатальная идея. Папа Гриша в момент поймет, что я затеяла какую-то фигню, раз спряталась на подоконнике. И он ведь не успокоится, пока не докопается до сути, так что лучше сидеть и надеяться, что пронесет.

– Ох, уж эти женщины: вечно им что-то надо, – поцокал Владислав Петрович, усаживаясь, судя по звуку, в кресло.

– Не говори, дурная голова рукам покоя не дает, – поддакнул папа Гриша и предложил. – Выпить что-нибудь хочешь?
– От коньячка не откажусь.

Вскоре зазвенел хрусталь, зачиркали зажигалки и воздух наполнился густым ароматом кубинских сигар. Мне стало

дурно. Если они решат проветрить библиотеку, можно не раздумывая, прощаться с жизнью. Но пока, к счастью, мужчины были заняты своими маленькими радостями, к которым уже в следующее мгновение подключили большие и серьёзные дела.

– Гриша, ты обдумал моё предложение? – перешел Елисеев к цели своего визита. – Медлить нельзя. У этого гада, знаешь, сколько лоббистов в Кремле? Пока мы здесь с тобой языками чешим, они пашут вовсю.

– Думаю еще, Петрович. Поразунал я на досуге... Там не подкопаешься, глухо со всех сторон. Не зря его Берлинской стеной зовут: он там устроил государство в государстве, – отозвался папа Гриша с тяжелым вздохом. – Один в поле не воин.

– А ты и не один будешь, Гриша. Там Назарчуки спят и видят, как бы всё к рукам прибрать, у них двадцать семь процентов от комбината, и сколько Долгов не бьется, а выкурить их не получается. Тебе главное раскачать лодку, а шакалы набегут, не волнуйся. То, что он Ишутина турнул – это серьёзная ошибка, огромная трещина в его непробиваемой стене. Он её, конечно, будет всеми силами сейчас залатывать. И залатает, если мы не используем эту возможность. Ты личность известная, тебя народ любит, Гриша, избирательную кампанию я оплачу да ты любого его кандидата на раз два сделаешь. А там...

– А там председатель Законодательного Собрания его

тесть, начальник МВД края – его зять и вся местная элита в кармане, – насмешливо перечислил папа Гриша. – Что ты мне против этой железобетонной системы предлагаешь сделать? Башку об неё разхерачить? Я, Петрович, еще пожить хочу.

– И поживешь, Гриша! Так поживешь, что тебе и не снилось, если мы завод отвоюем. Там, Алексеич, такие деньжищи крутятся, что не в сказке сказать.

– Большие деньги – большие проблемы, – задумчиво протянул папа Гриша и с усмешкой добавил. – А он матёрый волчара: такую жилу урвал и столько лет держит.

– Не то слово «матёрый». Такая алчная зверюга, что я бы и не рыпнулся, если бы они с Ишутиным не разосрались. Вообще не понимаю. Как так? Ишутин же все его делишки покрывал. Видать, совсем он от власти ошалел, раз бортанул его. Думает, вывезет в одного. Ну-ну...

– Так может, и не рыпаться? – со смешком предложил отчим.

– Нельзя такую удачу упускать. Да и пора уже раскулачивать его, жирновато в одну харю такой кусь жевать. А с ним, Гриша, только тебе и по силам тягаться. Ты – не просто депутатишка, ты – герой, тебя страна любит, и так запросто не нагнешь, а ему шумиха не нужна. Это остальных он в бараний рог сразу же скрутит, с тобой этот номер не проканает. Так что будь спокоен, борзеть с ходу не станет, приглядываться будет еще с пару месяцев, а там и ты приглядишься.

Может, что-то и высмотришь. Нам бы только одну зацепку, чтоб его засадить хотя бы на месячишко, а там, за этот месяц можно вверх дном перевернуть всю его вотчину. Он тогда сам, как миленький, нам комбинат вручит, еще и отступные выплатит, когда вся грязь из-под него всплывет. Ты же понимаешь, парни из ниоткуда заводы просто так под себя не подминают. Там на кровище всё стоит, – распинался Елисеев, мне же стало жутко – вот тебе и ужастики на ночь, Настенька. Лучше бы спалилась с порнухой, чем окунулась во все эти подковерные игры.

Я, конечно, в курсе, что в стране беспредел, но одно дело смотреть сводку новостей, а другое – оказаться в самом эпицентре этого беспредела, стать свидетельницей передела власти и экономических ресурсов. Это пугало и очень сильно. Пусть я мало что понимала, но от речей Елисеева дико фонило опасностью. И мне совершенно не хотелось, чтобы папа Гриша ввязывался во всё это.

В конце концов, зачем? Денег – куры не клюют, власти и полномочий тоже с избытком. Но, видимо, наш генерал за тридцать с лишним лет так и не навоевался, и хочет кому-то что-то доказать, иначе я просто не знаю, как объяснить его бравый ответ, в котором отчетливо были слышны нотки азарта.

– Ладно, собирай команду. Полетим штурмовать «Берлинскую стену».

– Вот и правильно, давно пора опустить этот Железный за-

навес, – недвусмысленно хохотнул Елисеев, папа Гриша поддержал его смех. Меня же перекорежило от всех этих сальных намеков. Что у мужчин за тяга к содомии?

– Ты главное смотри, чтобы нашу Стену на сувениры кто попало не разобрал, когда она рухнет, а то ушлых -то много набежит.

– Не переживай, главный сувенир будет у нас, а за остальные пусть его шакалье догрызет, – пообещал Елисеев таким тоном, что у меня мороз по коже пошёл. Я попыталась собрать в единый образ этого жуткого типа за портьерой и милого, улыбчивого дядечку, который дарил мне шикарные подарки и шутливо целовал ручки при встрече, но как ни напугалась, не смогла.

Однако не завидую я их «Стене». В этом маскараде и не поймешь, кто есть кто, и когда это действительно маска, а когда – настоящее лицо. Хотя, судя по разговору, там такая же акулища или даже позубастей. А вообще о чем я думаю? У нас тут переезд назревает, а я о какой-то «Стене» пекусь. Да пусть она там хоть сейчас рухнет! Это был бы просто идеальный расклад, вещи даже собирать не придется.

Господи, переезд! Это же прощай папа, прощай бабушка, прощай друзья, работа в тату-салоне, любимый город, мечты, планы – да короче, вся жизнь, и только потому, что папа Гриша в солдатики не наигрался.

Мама права: мужиков надо убивать, как только бахнул кризис среднего возраста, иначе они убьют вашу нервную

систему. Жанна Борисовна каким-то чудом профукала момент, когда нужно следовать собственному совету. Теперь надежда только на ее «зубы», а она их непременно пустит в ход, и помоги боже папе Грише. Угрохать полгода на изменение дизайна в доме – это вам не шутки, это миллионы нервных клеток, и теперь переезд? Пожалуй, пора запастись попкорном или... платками и чемоданами. Что-то мне подсказывает, против КСВ(2) даже зубы саблезубого тигра бессильны. И следующая фраза отчима это только подтверждала:

– Ладно, остальное обсудим после ужина.

– Я не останусь. Верочку в «Метелицу» повезу – выгуливать.

– Тогда на следующей недели я заеду.

– Договорились.

– Ну, всё тогда. Пойдём, у меня ужин через пять минут.

– Дисциплина превыше всего? – хохотнул Владислав Петрович.

– Естественно.

– У тебя не забалуешь, Алексеич.

– А ты думал, генеральские погоны просто так достаются что ли?

– Твоя правда, – хмыкнул Елисеев и поднялся с кресла. – Ну, пойдем, я хоть на Настеньку -красавицу полюбуюсь одним глазком.

– Что-то ты зачастил любоваться Настенькой, друг мой, –

холодно заметил отчим.

– Побойся бога, Гриша! – возмутился Владислав Петрович, я же от шока чуть с подоконника не грохнулась.

– А что? Твоей Верочке сколько? Двадцать-то есть?

– Ну, ты не сравнивай. Верочка уже и Крым, и рым... А на Настеньку дышать -то лишний раз страшно.

– Вот и не дыши.

– Иди ты, Гришка! Я на дитё ваше не засматриваюсь, а присматриваю Виталику. Вернется с Америки, познакомить надо. Может, глядишь, понравится орлу моему, – выдал он на полном серьёзе. У меня же было ощущение, что я попала в палату к недолеченым.

– Опоздал ты со своим орлом, Петрович, мой её уже лет пять назад присмотрел, – со смешком отозвался папа Гриша, а у меня внутри всё мгновенно вскипело, передернуло всю, стоило только услышать ненавистное имя.

– Яшка что ли? – удивленно воскликнул Елисеев.

– Ну. Приедет на каникулы, и коршуном вокруг неё вьётся, глаз не сводит. Смешно так.

Стервятником! – выплюнула я про себя и посмотрела на свои ладони в мелких, белёсых шрамах. Смешно ему.

– Влюбился, – добродушно отозвался Владислав Петрович, и смешно стало уже мне.

Яша Можайский и влюбился – это что-то из разряда фантастики, а если в сюжет вплести еще и меня, то это будет фантастика с элементами боевика и хоррора. Хорошо, что муж-

чины, наконец-то, покинули библиотеку, потому что сдержать смех у меня не получилось, хотя смешного в этом было очень мало, как и в том, что в холле часы пробили восемь часов.

Супер! Я опоздала на ужин.

Всё, Настенька, теперь можешь точно попрощаться с фестом и ужином.

Впрочем...

– Что мне ужин, что мне фест, если светит переезд?! – пропела я и тяжело вздохнув, выползла из своего укрытия, прихватив дебильную книжонку.

Забросив ее на дальнюю полку, еще раз тяжело вздохнула и поплелась получать заслуженный нагоняй. А всё из-за этого проклятого женского любопытства. Вот ничему нас история Евы не учит. НИЧЕМУ!

(2) КСВ – кризис среднего возраста.

(1) Дейл Брэкенридж Карнеги – американский педагог, лектор, писатель, оратор-мотиватор.

Глава 2

«Совершенство в чем бы то ни было – скука смертная!»

К. Маккалоу «Поющие в терновнике»

– Что ты творишь?! Чего ты добиваешься, Серёга? Я твою логику вообще не пойму. Тебе проблем было мало? Чего тебе спокойно не живётся?! – истерично вопил тесть, бегая взад – вперед.

Лицо его побагровело, губы дрожали от негодования. Казалось, еще чуть – чуть и бедолагу долбанёт очередной инфаркт. Я бы ему посоветовал побереечь свои недавно установленные коронарные стенты, всё-таки какие бы чудеса не обещали америкосы, а никакая железка уже не поможет, если сердцу хана, но мне было лень. Моё что ли здоровье?!

Вообще весь этот цирк начал порядком утомлять. Я, конечно, мог послать Максимыча на хер и не париться. Тестю не впервой, так что не заблудился бы, но даже это мне было в лом, за что спасибо Грей Гусу: пара рюмок оказывала поистине чудотворный эффект, расслабляя и настраивая на вполне миролюбивый лад. Поэтому, откинувшись на спинку кожаного кресла, я продолжал краем уха слушать бестолковый треп и дурачиться, пуская кольца дыма в попытке создать олимпийскую эмблему. И так меня увлекло, что в какой-то момент я вообще потерял нить разговора.

Видимо, тестя это окончательно вывело из себя, и он взо-

рвался:

– Серёжа, ё* твою мать! Что ты как дитё?!

– Максимыч, угомонись уже, – отмахнулся я, с досадой наблюдая, как последнее кольцо на несколько миллиметров отклоняется от намеченной цели, портя всю картину.

– Это тебе пора угомониться! Можайский – не какой-то там хрен с горы...

– Я в курсе, кто такой Можайский, – туша сигарету, спокойно парировал я, хотя паникёрство старого дурня уже сидело у меня в печёнках, как и необходимость разжевывать очевидные вещи.

Стареет, однако, Прохода, теряет хватку, а заодно и тупеет.

Отставив от себя пепельницу, сажусь ровнее и перевожу взгляд на тестя. Он продолжает бегать туда – сюда, нервируя меня.

– Максимыч, сядь, не мельтеши, башка от тебя уже болит, – поморщился я и кивком указал на его кресло.

Тесть, поколебавшись пару секунд, все же сел и, облокотившись на стол, с тяжёлым вздохом зарылся руками в свою и без того всклоченную, рыжую шевелюру, которой наградил обоих моих детей, что по молодости дико бесило.

Мои дети должны были быть похожи на меня или в крайнем случае на жену, но никак не на этого рыжего гада. Но против приколов природы не попрёшь, поэтому пришлось смириться. Смирялся же я с чем-то в своей жизни крайне

редко. Свои интересы, убеждения да всё, что я назвал своим готов был отстаивать насмерть.

В детстве такую позицию рассматривали, как непослушание. У отца же с ним разговор был короткий: чуть что он хватал ремень и херачил меня до посинения, пока однажды у него не отнялась рука. Моя бабка по матери, будучи верующей, тогда заявила, что я святой ребёнок, и что сам Господь схватил отца за руку. Пожалуй, это самая смешная шутка, которую я слышал за всю мою жизнь. Отец на этот счет придерживался более адекватного мнения, а потому пришел к выводу, что об мою «дурь», как об каменную стену скорее расшибешься, чем хоть на миллиметр сдвинешь, не говоря уже о том, чтобы выбить её из меня. И был, как никогда прав.

Но всё же, кое – что выбить ему удалось, а именно страх. Любой адекватный, нормальный страх, присущий каждому человеку. Я не боялся ни боли, ни опасности, ни последствий, ни даже смерти. У меня напрочь отсутствовал инстинкт самосохранения. В психологии это называют «гипофобией», в народе – без царя в голове или отбитый наглушняк, что в моём случае в полной мере соответствовало действительности. Во дворе, а позже и во всём городе меня прозвали Серёжа Беспредел. Сути это не меняло, но в отличие от «отбитый наглушняк» для двенадцатилетнего пацана звучало охренеть, как круто.

В четырнадцать, после смерти отца, своё прозвище я оправдал с лихвой. Но вовсе не потому, что как озлоблен-

ный зверёныш сорвался с отцовской цепи. Нет. Я просто со всей силой, на которую способен сын, любил его, а потому смириться с потерей у меня не получалось. Пусть он бил меня, как собаку, был строг и зачастую перегибал палку, но он же научил меня плавать, играть в футбол, стрелять из ружья, ездить на машине, менять кран, защищать себя – короче всему, чему отец должен научить сына, а потому своё детство я считаю вполне счастливым. И благодарен за все уроки, даже за самые жестокие, а возможно, за них в особенности. Именно они научили меня быть стойким, готовым пройти через любые трудности, чтобы отстоять своё мнение и рискнуть всем, чтобы достичь поставленной цели.

Свою по-настоящему осознанную и, как оказалось, главную, жизненную цель я поставил на похоронах отца. Помню, сжимал в объятиях плачущую сестру и смотрел на мать. Она была такой беззащитной, потерянной, раздавленной горем и навалившимися проблемами, но, тем не менее, держалась, не давала волю ни слезам, ни истерике, хотя причин было предостаточно: отец связался с какими-то мутными типами. Эти ублюдки заявили прямо на похороны и тут же принялись запугивать мою мать, требуя денег, которые отец якобы должен.

Помню, смотрел, как бритоголовая сука наезжает на неё, и задыхался от бессилия, меня всего наизнанку выворачивало от ярости. Именно тогда со всей горячностью четырнадцатилетнего, озлобленного мальчишки я поклялся, что уничтожу

каждого, кто причастен к смерти отца и отберу этот проклятый, металлургический завод, из-за которого моя семья лишилась всего.

Мне потребовалось шестнадцать лет, чтобы достичь своей цели. На пути к ней я был похож на летящий лом, а потому ни разу за те годы, как бы не было тяжело, безнадежно и рискованно, ни пошел никому на уступки, даже самому себе. И уж тем более, я не собирался этого делать сейчас из-за какого-то столичного ухаря, будь он хоть трижды героем.

– Значит так, Максимыч, – отгоняя миазмы прошлого, решил я, наконец, расставить точки над «i», – в последний раз повторяю: я не буду вкладываться в предвыборную кампанию этого залётного казачка. Ты не хуже меня знаешь, зачем он сюда рвется.

– И что теперь? – взвился тесть. – Сидеть, сложа руки и ждать, пока он займёт губернаторское кресло, и начнёт совать свой нос в каждую щель?

– А ты заделай все щели, чтобы не приходилось трястись, как припадочному.

– Господи, что же ты за баран-то такой упёртый?! – взвыл Прохода.

– Где бы ты был, интересно, если бы не этот «упёртый баран»? – иронично поинтересовался я, начиная закипать. Тесть знал, что лучше меня не выводить, поэтому сразу же дал заднюю.

– Я и не спорю, Серёжа, но иногда нужно хоть чуть-чуть

прислушиваться к людям. И сейчас тот самый случай! Поддержи Можайского, дай ему понять, что ты с ним в одной упряжке и что вы всегда сможете договориться. Дипломатия – это искусство: поглаживать пса, пока готовят ошейник, – глубокомысленно изрек тесть, вызывая у меня смешок.

– Ошейник у меня уже готов, Максимыч, так что мне «поглаживать пса» совершенно ни к чему. Да и вообще... Я задницу никому никогда не лизал и лизать не стану!

– И что же это за ошейник такой?

– А вот это уже не твоего ума дело, – холодно улыбнулся я, с удовольствием наблюдая, как тесть багровеет.

– Надеюсь, это действительно что-то стоящее, – сквозь зубы процедил Прохода, проглатывая завуалированное оскорбление, зная, что сейчас лучше не закусывать удила.

– Не переживай, импичмент обеспечен, – успокоил я его, но на Максимыча моё заявление оказало обратный эффект.

– Тогда почему бы не убрать его сейчас, пока он не начал наводить свои порядки? Ты ведь знаешь, что как только пройдет инаугурация, он тут же посадит своих людей на нужные места и в первую очередь, он постарается убрать с должности меня.

– Потому что, дорогой мой тесть, – издевательски протянул я. Мне всегда нравилось доводить его до белого каления – невинная ответка в счет тех дней, когда эта сука смотрела на меня свысока, – моя цель – заставить его плясать под мою дудку, а не убрать с поста.

Прохода скептически фыркнул, я же, не заостряя внимание, продолжил.

– Что касается перестановки кадров, так не мне тебе рассказывать про вотум недоверия, коллективный прессинг и другие инструменты воздействия.

Прохода собирался что-то возразить, но я жестом остановил поток очередного ссыклячества.

– Уймись уже, Максимыч, ты на этом деле собаку съел, за тобой вся наша элита и местное самоуправление, он же – всего лишь новичок с громким именем, а управлять краем – это не в Тбилиси митинги разгонять, тут нужны хотя бы административно – хозяйственные навыки, а не генеральские замашки.

– Ты недооцениваешь его и в этом твоя ошибка. Будь уверен, он нам еще задаст жару. Служаки они идейные, принципиальные.

– Я тебя умоляю, – закатил я глаза. – Все до единого – продажные шкуры, а этот в особенности, иначе с Елисеевым бы не спелся. В любом случае, всегда есть проверенное успокоительное для особо ретивых.

– Серёжа, оставь эти свои... методы! Поднимется страшная шумиха.

– Вот и славно, – усмехнувшись, спокойно заключил я. – Пусть шумит, чтоб другим неповадно было.

– Как у тебя всё просто, – съязвил тесть с таким трагичным видом, что мне стало смешно.

– А жизнь вообще простая, Максимыч, – весело резюмировал я. – Особенно, если придерживаться правила двух уда-
ров: первый – в лоб, второй – по крышке гроба.

– Лучше бы ты придерживался правила не разбрасывать-
ся такими людьми, как Ишутин. Что ты за человек, Долгов, я
тебя не пойму?! – раздражённо воскликнул тесть, качая со-
крушенно головой.

– Я не человек, Максимыч. Я – упёртый баран, – с издев-
кой напомнил, поднимаясь с кресла. Разговор себя исчерпал,
но я все же решил добавить. – А понимать тут абсолютно
нечего: каждый должен знать своё место и не зарываться. И
тебя это тоже касается, так что прекрати истерить, как мало-
летний п*дрила и начинай готовиться к приезду нашего ге-
роического губернатора.

– А ты своё место знаешь, Серёжа? – пробормотал тесть,
думая, наверное, что не услышу.

Но я услышал. Правда, отвечать ничего не стал и молча
вышел из кабинета. Раньше я, не задумываясь бы, сказал, что
нахожусь на своём месте, а сейчас всё чаще стали посещать
какие-то меланхоличные мыслишки, что чего-то в моей жиз-
ни не хватает, чего-то в ней нет, и что я, возможно, что-то
упустил. Видимо, кризис среднего возраста всё же не пустой
звук. К счастью, у меня было слишком много дел, чтобы поз-
волить себе страдать хернёй и рефлексировать.

Спустившись в столовую, где собралась вся родня Прохо-
ды, нашёл взглядом жену. Она тут же повернулась, словно

почувствовала моё присутствие.

– Собирайся, Лар, – бросил я, прерывая рассказ какой-то двоюродной тётки. Тёща неодобрительно поджала свои тонкие губёнки и покачала головой, горестно вздыхая.

Да-а, тяжела доля интеллигента, когда зять отъявленный люмпен, хотя у неё и муженёк не далеко уехал. Пожалуй, я бы посочувствовал, если бы не знал, как эта двуличная паразитка любит зелёненькие, скрывая свою алчность за вечно кислой физиономией.

– К чему такая спешка? Где папа? – поинтересовалась жена, подойдя ко мне.

– Поехали, я устал, – напустил я на себя вид вселенской усталости, чтоб Ларка не доставала вопросами.

– Опять что-то не поделили, – тяжело вздохнув, резюмировала она.

От необходимости отвечать избавил сын, влетевший в столовую, словно ураган, а точнее ошалевший свинёныш: огненные волосы торчали в разные стороны, как у Эйнштейна, глазёнки по пять копеек лихорадочно горели, а лицо и одежда были измазаны то ли шоколадом, то ли какой-то грязью, как и руки, в которых он держал брыкающегося кота. В общем, нормальный такой видок десятилетнего пацана. Но у моей жены были другие представления о том, как должен выглядеть наш сын, поэтому она недовольно поджала губы, становясь точной копией своей мамы. Меня аж передёрнуло, стоило только представить, как проснусь однажды с

двойником тёщи.

– Денис, что за вид?! – воскликнула Лара, но сын, будто не слыша её, повернулся ко мне и протараторил:

– Пап, можно я у бабушки останусь? Никичу разрешили.

– Нет, никаких... – начала была жена, но я тут же прервал её.

– Оставайся, сына, – заговорчески подмигнув, потрепал его по всклоченным вихрам.

– Серёжа! – возмутилась Лара, но её голос потонул в восторженном вопле Дениски. Перепугав беднягу-кота, сын помчался к выходу из столовой, где его поджидал двоюродный брат.

– Денис, вернись сейчас же! – сделала жена попытку достучаться до сына, но это былдохлый номер. Получив своё, Дёня поспешил слинять.

– Спасибо, пап! Пока, мам! – крикнул он напоследок и скрылся за дверью.

– П*здец! – психанув, ёмко высказалась Ларка, одарив меня взбешенным взглядом.

– Лариса! – ахнула тёща, хватаясь за сердце. Вся родня застыла в изумлении, я же едва сдерживал хохот. В кои-то веке жёнушка сделала мой день.

Она явно собиралась сказать мне еще пару ласковых, но сдержалась: в очередной раз поджала дрожащие от ярости губы и круто развернувшись на каблуках, быстрым шагом покинула столовую, ни с кем не попрощавшись. Я решил до-

бить это тухлое сборище и театрально провозгласил:

– Вот, тёща, это всё твоё воспитание! Красней мне теперь из-за твоей доченьки.

– Долгов, когда ты покраснееешь, случится всемирный потоп, – сыронизировала Ларкина бабка, хотя «бабкой» её можно было назвать с огромной натяжкой. В свои восемьдесят она выглядела намного лучше тёщи и вела настолько активный образ жизни, что оставалось только позавидовать её энергии. Из родственников жены она была единственной, к кому я испытывал симпатию. Поэтому, улыбнувшись, сердечно распрощался с ней. Расцеловал в обе щёки, на что она выдала:

– Дочу будешь так нацеловывать, целуй нормально.

– В засос что ли? – подразнил я её.

– А хоть бы и так, – хохотнула она. – Или что, уже обделался?

– Бабуля, да я саму смерть целовал, – насмешливо закатил я глаза. Нашла тоже, чем пугать.

– Какая я тебе бабуля, засранец?! – воскликнула она возмущенно. Я же решил не тратить время на препирательства и притянув к себе, смачно чмокнул бабку в её тонкие губенки, намазанные шлюшно-красной помадой. Она тут же расхохоталась мне прямо в рот.

– Серёжка, ты что творишь поросёнок эдакий?! – зарделась, ей богу, как девчонка. Вот что поцелуй животворящий даже с самыми прожжёнными бабами делает, а Родионов-

на была той ещё штучкой. Всех воротил края перетрахала в своё время.

– Взбадриваю тебя, бабуль, а то ты заскучала совсем, – парирую с ухмылкой.

– Ой, Долгов, как был наглецом, так и помрешь. Иди благоверную «взбадривай», а то совсем внучка дерганая стала.

– Ну, так не мудрено, – фыркнула тёща, недвусмысленно взглянув на меня, как бы говоря: «с таким-то муженьком».

– Не мудрено, – насмешливо согласился я. – Столько себя изводить этой веганской хернёй – свихнуться можно.

– Не говори, вообще не понимаю эту моду, – кивнула Анна Родионовна.

– Мода тут совершенно не при чём, – возразила тёща и принялась что-то разъяснять свекрови, но слушать я уже не стал. Махнув всем на прощание, направился к ожидающему меня на заднем дворе кортежу из трех машин. Сев в «Гелик», дал ребятам знак, что можно ехать, а после перевел взгляд на сидящую рядом жену.

Лариса, отвернувшись к окну, всем своим видом демонстрировала обиду. Я же только сейчас заметил, насколько она осунулась: и без того тонкие черты заострились, придавая лицу строгость, синева под глазами и бледность кожи не скрывали ни одну морщинку, а соответственно и возраст. Удручающую картину завершало каре, которое меня просто убивало. Короткие стрижки у баб я не признавал, как и ставшую столь модной худобу и андрогинность. Женщина долж-

на излучать здоровье и красоту, чтобы её, прежде всего, хотелось трахнуть, а не накормить.

Поскольку жена знала мое мнение на этот счет, мне было совершенно не понятно, чего ради она извела себя диетами и состригла свои буйные кудри. Пусть в последние пару лет наши отношения были довольно прохладными, но как по мне, это ещё не повод, чтобы уродовать себя. Хотя объективно – стрижка ей, конечно, шла и всё бы ничего, если бы она напрочь не убивала всякую индивидуальность, превращая очаровательную женщину с ноткой загадочности в какую-то невзрачную ледышку.

Раньше в её каштановую гриву хотелось зарыться обеими руками, пропуская сквозь пальцы мягкий шёлк волос, теперь же... не хотелось ничего. Виной тому прическа или же кризис семейной жизни мне, если честно, всё равно. Просто смотрю на жену и понимаю, что как-то ни горячо, ни холодно.

И вроде бы это всё не ново. За семнадцать лет брака мы пережили кучу всяких кризисов. Бывало даже смотреть друг на друга не могли – бесились от каждого слова и действия. Но то были хоть какие-то эмоции, сейчас же не было ничего, кроме понимания, что всё со временем пройдёт, просто нужно не давать себе волю и щадить чувства женщины, которая родила мне детей.

– Мать, ты обиделась что ли? – спросил через «не хочу». Выслушивать, что у неё там накипело вообще не в кайф, но

лучше пусть выпустит пар сейчас, чем потом будет месяц выносить мне мозги по поводу и без.

Как и ожидалось, Лариса тут же взвилась, словно ужаленная. Повернувшись, резанула раздраженным взглядом и дрожащим от ярости голосом процедила:

– Да причем здесь обиделась, Долгов?! Меня просто задолбал это всё!

– Что «всё»? – спокойно уточнил, едва сдерживаясь, чтобы не зевнуть. Ларка меня точно грохнет, если поймёт, что мне в общем-то её претензии до фонаря.

– Да то, что как только у тебя настроение хорошее, так сразу – «Да, сына, да, доча, гуляйте, учебу пропускайте», но если только плохое, то держитесь все: то, что вчера было можно, сегодня уже нельзя и только потому, что у нас у папы настроение неважноецкое. Ты постоянно поганишь мне весь режим, Серёжа, и разрушаешь дисциплину. А в воспитании детей это самое главное!

– В воспитании покорного стада, – отрезал я.

– Ой, только не начинай, пожалуйста, эти свои дебилские рассуждения, – поморщилась она. – Речь вовсе не об этом.

– Ну, просвети меня, о чём.

– О том, что границы дозволенного детям не должны зависеть от перепадов твоего настроения. Так нельзя!

– А как с зэчьём на строгом режиме можно, да? Контролировать каждый их шаг, запрещать всё подряд – это ты называешь воспитанием? – сардонически поинтересовался я,

начиная закипать.

– Не передёргивай, Серёж. Ещё никому строгость не была во вред.

– Ты мне что ли будешь рассказывать? – вкрадчиво уточнил я. – Ты уже заколебала бедных детей со своим контролем.

– А нет, давайте будем потакать им во всём, пока они в конец не обнаглеют.

– Ну, уж это им не грозит, можешь не сомневаться, – заверил я её со смешком. «Обнаглеть» у меня можно ровно настолько, насколько я позволю.

– Да неужели?! То-то они мать ни во что не ставят.

– Не начинай, – скривившись, отмахнулся я. Бесило, когда жена начинала корчить из себя жертву.

– А что, не так что ли? Они вообще меня не слушают, и ты им в этом потакаешь! – начала она повышать голос.

– Бред не носи. Я в твои отношения с детьми не лезу.

– Вот именно! Тебе плевать, что я им что-то разрешила или запретила, ты делаешь исключительно то, что считаешь нужным, выставляя меня душой. Показывая детям, что с моим мнением и требованиями можно не считаться.

– Так ты адекватные требования выставляй, а то втираешь какую-то дичь, а потом обижаешься, что всем пофиг.

– А что для тебя не «дичь», Серёжа? Учеба – дичь, бабушку с дедушкой навестить – дичь. Ты вообще в курсе к каким «подружкам» на ночь отпустил свою обожаемую до-

ченьку? – с таким видом отозвалась она, будто собиралась открыть Америку.

– А нет, бл*дь, я дурак совсем, -раздраженно парировал я. Конечно же, мне было известно, что дочь поехала к своему парню. Но рвать и метать по этому поводу или хвататься за сердце я не собирался, как бы не ломало от мысли, что мой ребёнок в общем-то уже далеко не ребёнок.

– Ну, мало ли, может, ты свято веришь, что Олечка у тебя ангел небесный, – язвительно пропела жена, чем окончательно выбесила. Меня выводили из себя речи в подобном тоне. Что еще за «твоя доченька», «твой сынок»? Что за идиотская манера чуть что перекладывать ответственность?!

– Я своих детей знаю, – холодно процедил я. – И знаю, когда им что-то разрешить, а когда -запретить, так что не хер мне здесь нотации читать.

Ларису, конечно же, задел мой не совсем справедливый намёк на то, что она детей совершенно не понимает, но жена благоразумно решила не реагировать на эту шпильку.

– Ну, раз знаешь, не думаешь же ты, что они там с Ванечкой чай распивают? – съязвила она.

– И что?

– Как что? Она еще ребёнок, Серёжа! – воскликнула Ларка, чем насмешила. Вот уж кому-кому, а точно не ей верещать по такому поводу, о чём я не преминул напомнить.

– А ты кем была?

– В смысле?

– Ну, когда приезжала ко мне «чай распивать», – подколот я её, на что жена закатила глаза.

– Это тут вообще при чём?

– Да так... – со смешком протянул я. – Помнится, твой папаша был крайне пуританских взглядов, но тебе это ничуть не мешало таскаться.

– Я не таскалась! – возмущенно ткнула она меня локтем прямо в печень. Очень её Ларка любила: то клевать, то долбить чем ни попадя.

– Таскалась – таскалась, да еще как, – пожурил я жену с улыбкой, отчего она слегка покраснела, но тут же взяла себя в руки и вернулась к нашей теме.

– И что теперь? Сквозь пальцы смотреть на её... «чаепития»? – резонно поинтересовалась, уловив суть моей ностальгии. Я усмехнулся.

– Ну, попробуй повоевать. Хотя я смысла в этом никакого не вижу. Запрём её дома, поорём и что дальше?

– А дальше нужно сублимировать сексуальную энергию во что-то полезное.

Услышав сей бред, я не выдержал и расхохотался.

– Мать, ты сегодня отжигаешь по полной. Я скоро блокнот заведу для твоих крылатых фраз.

– А у тебя всё шуточки, Долгов.

– Да какие уж тут шуточки, когда ты дочь какой-то оторвой в гоне считаешь, – мягко упрекнул я её.

– Я не считаю, – начала Ларка тут же отнекиваться. – Про-

сто... Ей всего семнадцать, Серёжа.

– Не всего, Лар, а уже. Прекрати над ней трястись.

– Странно слышать это от тебя. Я думала, ты и мысли не допускаешь, что у неё может быть секс.

– Я и не допускаю, -подмигнув, шутливо отозвался я. – Наша дочь у «подружки», остальное меня не касается.

– Удобная позиция.

– Ну, а почему нет? Олька у нас девочка умная, да и «подружка» у неё неглупая, знает, что в случае чего место в ближайшем лесу будет обеспечено, поэтому переживать не вижу смысла, как и пытаться усмирить дочь. Если уж гормоны долбанули, то бесполезно с этим бороться. Еще ни один родитель не выиграл эту войну. Да и Ванёк меня вполне устраивает, как и вся их семейка.

– Ну, еще бы тебя не устраивал сынок главы следственного комитета, – фыркнула Ларка.

Я не стал ничего отвечать, считая тему исчерпанной, да и на горизонте замаячил продуктовый магазин, что было очень кстати: жрать хотелось люто. Я с утра не ел, а у тёщи вечно какая-то херь милип*здрическая, которой только врагов дразнить в голодный год.

– Лёха, ну-ка тормозни у магазина, – отдал я распоряжение, которое тут же было выполнено. –Сгоняй за орехово-фруктовой смесью.

– Так и называется, Сергей Эльдарович? – уточнил он, выходя из машины.

– Да откуда я знаю, у продавца спроси. И давай быстрее, – поторопил я его, когда он поплелся черепашьям шагом.

– Ты оголодал что ли? – удивилась Ларка. – Надо было поесть у мамы и не выделываться.

– Я не выделываюсь, а о здоровье пекусь. От взглядов твоей мамы можно запросто подавиться.

– Ой, я тебя умоляю, – отмахнулась она.

Я хмыкнул и отвернулся к окну. Через пару минут вернулся Леха. Ларка забрала у него упаковку со смесью и принялась быстренько выкидывать банановые чипсы, которые я терпеть не мог, она же бурчала себе под нос, что я капризный ребёнок и лентяй.

Меня её ворчание, как ни странно, успокаивало, поэтому откинув голову на спинку кресла, с наслаждением прикрыл глаза, вот только счастье моё длилось не долго.

Очистив смесь, жена протянула мне упаковку. Кивнув в знак благодарности, я сразу отсыпал горсть в ладонь и отправил в рот. Лара же помедлив, осторожно спросила:

– Что вы решили с папой?

От досады я едва не застонал. Твою мать, мне сегодня позвать нормально дадут или нет?! У Ларки и её семейки прямо талант портить мне аппетит.

– А я с ним должен был что-то решать? – приподняв бровь, холодно уточнил, давая понять, что ей стоит поумерить своё любопытство.

– Ты прекрасно знаешь, о чём я говорю, – насупившись,

продолжила она гнуть свою линию, как и всегда, не внимая намёкам.

– Я прекрасно знаю, что тебя это не касается, – отрезал я и насыпал вторую горсть, поражаясь, до чего же Ларка бестолковая баба: тридцать восемь лет, а до сих пор не знает, когда и как следует из мужика тянуть информацию. И разразившаяся в следующее мгновение буря это только подтверждала.

– Да что ты?! – взвилась жена, повышая голос. – Касается и еще как! Я не собираюсь больше трястись от каждого шороха, и бояться выйти из дома без охраны. Мне надоело жить, как на пороховой бочке! Если ты себя не бережешь, то подумай о детях! Сколько можно?! Чего тебе, бл*дь, не хватает?!

– Не ори, – поморщившись, осадил я её. На сегодня с меня истерик достаточно: её папаша исчерпал лимит.

– Хочу и буду орать! Не затыкай мне рот! – огрызнулась она, испытывая моё терпение.

– Я тебя тогда сейчас высажу возле леса и верещи там, сколько твоей душе угодно.

– О, ну конечно! Ты всегда проблемы решаешь где-то в лесах. Только сейчас, Долгов, время уже не то. И лучше бы тебе прислушаться к отцу, у него всё-таки образование и ...

– Забавная штука: ты открываешь рот, а я слышу твоего папашу, – оборвав её, издевательски протянул я, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не дать волю вспыхнувшей ярости. – По-моему, в твои годы пора бы уже генерировать собственные

мысли, с высшим -то образованием.

– А по-моему...

– А по-твоему будет, когда научишься хотя бы ореховую смесь очищать, как следует! – рявкнул я, взбесившись.

Она хотела что-то ещё сказать, но я не собирался больше выслушивать эту херню, которой её наспиговал папаша. Место бабы – в кровати, подо мной, а не в моих делах со своими советами.

– Всё, уймись! – отрезал я и швырнув ей на колени упаковку, велел водителю остановиться, после чего вышел из машины и сплюнув попавшийся банан, направился к остановившемуся позади «Крузаку», закидываясь по дороге орбитом, чтобы перебить тошнотворный вкус.

Навстречу тут же выскочили ребята из охраны, но мне хотелось побыть одному, поэтому я отправил их к Ларке. Сам же сел за руль и наконец, выдохнул с облегчением.

Конечно, будучи под градусом, отпускать водителя не стоило, но после жены и её родственников перспектива вписаться в столб казалась даже приятной.

Некоторое время я сидел и просто наслаждался тишиной. Мне редко выпадает такая возможность. Впрочем, я и сам не особый любитель одиночества, и всей этой интровертной мути, но иногда всё же возникает желание всё бросить и бежать туда, где никто не будет доставать бесконечными просьбами и проблемами, где всегда рады и ждут.

К счастью, такое место у меня было, жаль только, что им

не стал мой дом и ждала меня в нём не жена. Но, видимо, всё в жизни получить невозможно, как ни старайся.

Невесело усмехнувшись своим мыслям, я закурил и позвонил Зойке, чтобы предупредить, что скоро приеду. Когда в динамике раздался её низкий, хрипловатый со сна голос, стало как-то даже теплее, и раздражение медленно начало отпускать из своих цепких лапищ.

– Спишь? – зажав сигарету между зубами, выехал я на трассу.

– Вообще-то тебя жду, – зевнув, заверила она и со стоном потянулась, вызывая у меня улыбку.

– А ты как узнала, что приеду?

– Работа у меня такая – всё и про всех знать, про тебя в особенности.

Я хмыкнул, ибо это истинная правда. Зойка была моими ушами, глазами, правой рукой, душой и самым близким человеком. Она знала абсолютно всё и про всех, но в первую очередь, конечно же, про меня. Поэтому могла по голосу определить моё состояние и настроение.

– Устал? – скорее утвердительно, чем вопросительно произнесла она.

– Как собака.

– Да ты мой хороший, – просюсюкала она. – Заездили родственнички?

– За*бали, причем коллективно, – рубанул я со смешком.

– Ну, ничего, как говорится, нас еб*т, а мы крепчаем, -

посмеиваясь, утешила она и предугадывая желания, уточнила. – Коньячка или водочки?

– Яду мне, яду! – процитировал я. – И мяса побольше.

– Молодого и красивого или свиное сойдет? – провокационно уточнила она, вызывая у меня смех.

– Баранье готовь, сегодня день под грифом «Баран упёртый».

– Максимыч, вижу, совсем оборзел, на пенсию хочет, – в миг оскалилась сестра, стоило только дать понять, что братика задели. Она у меня такая: сожрёт и не поморщиться, если кто косо посмотрит в мою сторону. С такой сестрой сам черт не страшен. Впрочем, она сама была дьяволицей почище прочих. Вот кому я ни за что не рискнул бы перейти дорогу, и не я один: её боялись, как огня все, кто хоть немного понимал, что эта женщина из себя представляет. Зойка была моей точной копией только в женском обликии, что, пожалуй, во сто крат опасней, ибо мои качества, помноженные на женское коварство – это гремучая смесь, я бы сказал, смертельная. Спасибо, господи, что эта «смесь» мне безгранично предана! Не знаю, где бы я был, если бы не она. Верно говорят, что за каждым успешным мужиком стоит сильная женщина, в моём случае это сестра.

– Пора его уже отправлять, – согласился я. – Старый стал, хватку теряет да панику разводит с ничего.

– Ну-у, я бы не сказала, что с ничего, -протянула задумчиво Зоя.

– И ты туда же, – закатил я глаза. Похоже, у меня скоро начнется нервный тик от одного упоминания Можайского.

– А ты его выступления глянь. Там такая мощь...

– Я лучше сразу уточню, кто у него в спичрайтерах.

– Не спичрайтером единым, Серёжа, такой рейтинг нарабатывается.

– Ну, ещё бы, – хмыкнул я, имея в виду бюджет его предвыборной кампании, который уже превысил допустимые нормы раз в десять. Это, как раз, и было тем нарушением, за которое нашему генералу грозил импичмент. Но пока я, естественно, не торопился открывать своих карт, лишь пристально следил, чтобы люди, которым доподлинно известно о связи Можайского с Елисеевым и их «черной кассе» не начали исчезать.

– Зря ты его всё-таки недооцениваешь, – ненавязчиво заметила сестра.

– А чего там оценивать? Типичный, тупоголовый вояка.

– Ну, знаешь... Про таких, как ты тоже говорят: «Типичный, тупоголовый новый русский».

– А я и есть такой. Девять классов образования да фазанка это подтверждают, – невозмутимо отозвался я.

– Ой, всё понятно, – отмахнулась сестра.

– Чего тебе понятно?

– Того, Сержик, что тебя действительно коллективно за*бали, раз ты уже в самоуничтожение ударился, – ласково пояснила Зойка, вызывая у меня улыбку. – Ладно, хо-

рош болтать, смотри на дорогу. Ждём тебя, будем размораживать.

Я кивнул и отключился. Путь до сестры был не близкий, но вид из окна стоил каждой потраченной на дорогу минуты. В своё время я тоже облизывался на этот участок, но Зойка попросила его уступить в честь рождения племянницы. Естественно, отказать я не смог, оторвал от сердца, но до сих пор жаба давит, хотя себе купил участок намного круче: на горе с видом на реку, но вот душа почему-то лежит именно к этому затерянному в сосновом лесу царству у небольшого озера.

Вот и сейчас въехал на территорию Зойкиной вотчины, и закайфовал. Сосновый лес на закате просто сияет, излучая невероятное спокойствие. Изумительная красота, неопишущая. Чувство, будто в сказку попал, и вот-вот откуда-нибудь из-за куста выскочит какое-нибудь чудное создание. И создание выскочило...

Как только я припарковался у дома и вышел из машины, на меня тут же налетела туша под сто килограмм и с рыком радости повалив на подъездную дорожку, принялась обли-
зывать, вызывая искреннюю радость.

– Жора, угомонись, – отбивался я, хохоча и пытаюсь встать. Но если Жора радовался, то ему было пофиг на любые уговоры.

– Вот сучёныш! Столько месяцев его кормлю, а он хоть бы раз меня так встречал, – раздался голос зятя, я доволь-

но улыбнулся и обнял своего любимца, приходя в себя после столь неожиданного нападения. Жора тоже потихонечку успокоился и довольно заурчал, позволяя мне, наконец, подняться.

– Лев – это тебе не шкура продажная, Жека, – отряхнувшись, протянул я зятю руку для приветствия.

– А пума разве лев? – с сомнением взглянула на Жору подошедшая Зойка. Я обнял сестру и поцеловал.

– Здорово, мать, а кто? – насмешливо уточнил Шутерман.

– Ну, не знаю, котик, наверное, – протянула она, вызывая у нас с Женькой хохот.

«Котик» меж тем начал носиться по территории, окончательно ошавев от радости. Мы с улыбкой наблюдали за ним, замороженные красотой и грацией горного льва.

Это чудо природы мне подогнали два года назад на день рождения – выпендрился один дурень, но меня впечатлило, хотя поначалу я не знал, что с этим презентом делать. Ларка требовала, чтобы отправил его в зоопарк, кричала об опасности и непредсказуемости дикого зверя, и в общем-то была права, но я смотрел в огромные, голубые глаза маленького львёнка, и понимал, что не смогу обречь его на существование в клетке. И ничуть не жалею о своём решении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.